

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА СКУРИДИНА
 кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
 языка и межкультурной коммуникации
 Воронежский государственный технический университет
 (Воронеж, Российская Федерация)
saskuridina@yandex.ru

АНТРОПОНИМИКОН ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ДЯДЮШКИН СОН»

Исследуется антропонимическая система малоизученной повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон». Отмечается, что топоним *Мордасов* выступает в роли организующего элемента для антропонимикона повести. Анализ материала позволяет заключить, что Достоевский использовал семантически маркированные ономастические единицы, раскрытие которых обусловлено не только контекстом повести, но и контекстом изображаемой эпохи. Систематически включаемые в провинциальный хронотоп повести «Дядюшкин сон» и соотносимые в творческой лаборатории писателя с образами созданных им героев антропонимы становятся емкими и лаконичными референциями, понимание которых способствует более глубокому прочтению художественного произведения. Для героев Достоевского характерно стремление к осознанию собственного имени, о чем свидетельствуют многочисленные примеры их размышлений о влиянии имени на жизнь и судьбу. Некоторые ономастические единицы повести автобиографичны, например топоним *Мордасов*, антропоним *Каллист Станиславович*. При номинации персонажей Достоевский использует такие приемы, как введение в текст социально значимых онимов (*Бородуев*), экспрессивно окрашенных онимов (*Москалев*, *Мозгляков*), а также прием языковой игры (зарифмованные имена кучеров князя К. Лаврентий-Терентий).

Ключевые слова: литературная ономастика, топоним, антропоним, Воронежская ономастическая школа, Ф. М. Достоевский, автобиографизм, «Дядюшкин сон», Мордасов, Москалев

Для цитирования: Скуридина С. А. Антропонимикон повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 76–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.355

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отмечается повышенный интерес к изучению ономастики, в том числе литературной ономастики. Художественное произведение представляет собой особую сферу функционирования имен собственных: здесь слова соотносятся не только с реальной, но и с созданной действительностью, не только с современным дискурсом, но и с языком литературного произведения. В художественном тексте ономастические единицы, вступая в ассоциативные связи, переосмысливаются сначала автором, а потом читателем, поэтому имена собственные являются важнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности. Как указывает Г. Ф. Ковалев, основоположник Воронежской ономастической школы, в художественной литературе выбор имени собственного может быть обусловлен следующими факторами: авторским сознанием, системностью имени и хронотопом, а также социальностью системы имен [8: 10–11].

Значимость ономастической лексики в творчестве Достоевского подтверждается текстами его произведений, на страницах которых герои размышляют о значении своих имен и фамилий:

«Ну, что за фамилия Видоплясов? <...> Просмеют за одну только фамилию...» (2: 104, 105)¹; «Разве можно жить с фамилией Фердыщенко?» (8: 80); «...я, может

быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем приужден носить грубое имя Игната, – почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя, – почему это?» (10: 111).

В творческой лаборатории Достоевского использование семантически маркированных ономастических единиц является одним из основных приемов, который применяется не только для создания художественного образа. Собственные имена каждого произведения писателя представляют систему, обусловленную как идейным содержанием, так и хронотопом, в формировании которого активно участвуют топонимы, что можно наблюдать уже в повести «Дядюшкин сон», воспринимаемой исследователями как проба пера после возвращения Достоевского с каторги. По мнению Р. Я. Клейман, повесть «Дядюшкин сон» является «свообразным нервным центром “сквозных мотивов”» [7: 95], а Р. С. Семыкина считает, что в тексте повести Достоевский впервые «дает комические наброски крупных трагических характеров позднего творчества» [12: 9].

Антропонимы повести Достоевского «Дядюшкин сон» системно организуются вымышленным топонимом *Мордасов*, мотивированным лексемой *мордасы* – мн. число от ‘морда, рыло, рожа, сысалы’ (Даль. 2: 346)². Топоним *Мордасов*

вводит в текст повести характерный для всего творчества Достоевского мотив ряженья: морда – маска ‘личина’, ‘накладная рожа, для потехи’ (Даль. 2: 346). Название города предопределяет систему антропонимов мордасовских обитателей. Ряженые герои, такие же куклы, как и князь К., управляются в повести опытным кукловодом [7: 76] – первой дамой в Мордасове – Марьей Александровной Москалевой, которую «сравнивали даже, в некотором отношении, с Наполеоном» (2: 296, 297). Интересно, что, по мнению повествователя, Марья Александровна Москаleva в фокусах «перещеголяет самого Пинетти» (2: 296). Фамилия *Пинетти*, принадлежавшая пре-восходному фокуснику и изобретательному артисту XVIII века, способному манипулировать человеческим сознанием, возвращает читателя к мотиву иллюзорности происходящего, заявленному уже в названии повести «Дядюшкин сон», и настраивает на восприятие Москалевой как человека, способного прибегнуть к хитроумным уловкам, фокусам ради достижения собственных целей. Эмблематично, что фамилия Марии Александровны – *Москаleva* – восходит к глаголу *москальить* ‘мошенничать, обманывать в торговле’ (Даль. 2: 349), синонимичному глаголу *фокусничать* в переносном значении ‘хитрить, мудрить, лукавить, морочить, обманывать’ (Даль. 4: 536). Мaska «первой дамы» позволяет безнаказанно разносить сплетни, строить козни, распоряжаться судьбами других людей:

«Она, например, умеет убить, растерзать, уничтожить каким-нибудь одним словом соперницу, чему мы свидетели; а между тем покажет вид, что и не заметила, как выговорила это слово» (2: 296–297).

С. А. Кибалник усматривает в фамилии *Москалева* акцентологическую связь с Кочкиревой из гоголевской «Женитьбы» [5].

Прокурорша Анна Николаевна, названная в тексте повести врагом Марии Александровны, носит фамилию *Антипова*, сочетание первых четырех звуков которой омонимично префиксу *анти-* со значением противопоставления чему-либо. Так с помощью антропонимов писатель обозначил антагонистические отношения между двумя известными жительницами города Мордасова. К тому же, патронимическая фамилия *Антипова* восходит к личному мужскому имени *Антип*, в просторечии *Антипка*, которым в калужских говорах называют черта или другую нечистую силу³. На наш взгляд, уместно предположить, что фамилия прокурорши Анны Николаевны автобиографична. Во-первых, фамилию Антипова носила вторая жена деда Достоевского, о чем вспоминает младший брат писателя:

«После смерти бабки моей Варвары Михайловны в 1813 году дед мой Федор Тимофеевич женился вторым браком на девице Ольге Яковлевне Антиповой в 1814 году»⁴.

Во-вторых, данный антропоним мог возникнуть в связи с часто звучащим отчеством барнаульского врача Ивана Антиповича Преображенского, диагностировавшего, в соответствии с архивными разысканиями Е. Ю. Сафоновой, у Достоевского эпилепсию [11: 131]. Москаleva, говоря об Анне Николаевне, упоминает, что «к ней ездит Сушилов с своими бакенбардами и утром, и вечером, и чуть ли не ночью» (2: 310). Фамилия *Сушилов*, восходя к переносному значению глагола *сушить* ‘приворожить кого к кому, томить невольной любовью’ (Даль. 4: 367), способствует снижению образа Антиповой, о которой Москалева замечает, что ей «бог не дал вкусу» (2: 310).

В качестве помощницы Анны Николаевны Антиповой упоминается Наталья Дмитриевна с говорящей фамилией *Паскудина*: бранное слово *паскуда*, от которого образован антропоним, синонимично апеллятивам *скверность, гадость, пакость, порча и убыток*, а также служит для обозначения никуда негодного человека, мерзавца и пакостника (Даль. 3: 22).

Полковница Софья Петровна Фарпухина в других изданиях фигурирует под фамилией *Карпухина*⁵, что более соответствует провинциальному хронотопу повести. Фамилия *Карпухин* восходит к производному от имени *Карп – Карпуха*. Возможно, данное имя было у Достоевского на слуху, так как вследствие в романе «Братья Карамазовы» упоминается в качестве предполагаемого отца Смердякова некий Карп с винтом, «один известный тогда городу страшный арестант, к тому времени бежавший из губернского острога и в нашем городе тайком проживавший» (14: 92). Возможно, в основе фамилии лежит название рыбы *карп* семейства карповых, но, на наш взгляд, уместно предположить, что фамилия образована от основы глагола *каркать* (в переносном значении) с заменой последнего звука основы *к* на *п*, чем и объясняется раскрытие образа персонажа через птичью символику. Комизм образа Софьи Петровны заключается в сочетании несочетаемых орнитоморфных черт (к такому приему Достоевский будет обращаться в своем творчестве неоднократно) [13]: она «нравственно походила на сороку», а «физически она скорее походила на воробья» (2: 328). Орнитоморфизм Карпухиной обнаруживается во всем: тело ее держалось на «крепких воробышьих ножках», «она очень часто дралась и царапала ему лицо», вместо человеческой речи – птичий щебет: «зашебетала она» (2: 328–329). Фарпухина, подобно сороке, приносит новости Москалевой, причем новости плохие, что связано с поверью: «...стремочущая возле дома сорока может быть предвестием не каких-либо, а именно плохих вестей» [4: 562] (ср. с *каркать* (иноск.) брюзжать, браниться, предсказывать неудачу, бъду (намекъ на зловѣщаго ворона)⁶). В народных представлениях

сорока и ворона сближаются, что обусловлено их общей зловещей символикой, связанной с предсказанием несчастья [4: 564]. Интересно, что в описании внешности Фарпухиной Достоевский упоминает о веснушках, напрямую связанных с символикой сороки [4: 567], что укладывается в систему орнитоморфных мотивов, характерных для всего творчества писателя [13]. Москаleva, рассказывая о неблагородном танце дочери Фарпухиной Соньки и воспитанницы Машки, называет их *сороками и пигалицами* и отмечает птичий стиль их одежды: «на голову им надели какие-то красные шапочки с перьями» (2: 329). Птичья символика напрямую связана со свадебным обрядом, где иногда невеста называется сорокой (народноэтимологическое осмысление лексем *сорока* и *сорочка*) [4: 566], а указание на красную шапочку соотносится с надеванием *сороки* – головного убора, который разрешалось носить после замужества. Князь же в данном эпизоде предстает в образе жениха – кота, готового схватить птичку: «сидит, как мокрый кот», «в лорнетку на них смотрит» (2: 329).

Повесть «Дядюшкин сон» – средоточие женских имен и фамилий, являющих негативные черты человеческого характера. Примечательно, что орнитоморфной символикой сопровождается представление всех мордасовских дам, например, для описания их бесед Достоевский использует глагол *щебетать* и сравнение с ласточками: «защебетала Марья Александровна» (2: 332); «гости выпрыгнули на крыльцо и защебетали, как ласточки» (2: 362); «щебетала Анна Николаевна» (2: 369), для описания движения – глагол *лететь* и его формы: Москалевы «героиня летела по мордасовским улицам» (2: 337).

Именник женского общества определяется провинциальным хронотопом: Прасковья Ильинична, Луиза Карловна, Катерина Петровна, Фелисата Михайловна, графиня Залихватская – все они являются олицетворением Мордасова.

Потенциальный жених Зинаиды Москалевой – Павел Александрович Мозгляков, фамилия которого восходит к апеллятиву *мозгляк*. Негативная семантика лексемы *мозгляк* была знакома Достоевскому, употребившему ее в «Честном воре»: «Как собачонка привяжется, ты туда – и он за тобой; а всего один раз только виделись, мозгляк такой!» (2: 85). Мозглякова воспринимают как человека, у которого «в голове не все дома» (2: 299). Мозгляков – «вертопрах, болтун, с какими-то новейшими идеями!» (2: 299). Антропоним *Мозгляков* восходит к апеллятиву *мозгляк* ‘слабый, хилый, хворый, безвременно одряхлевший’ человека (Даль. 2: 339). Несомненно, что читатель в фамилии *Мозгляков* мог увидеть и намек на другую семантику существительного: *мозгляк//мозгаль* ‘гниль, дряблена, прель’ (Даль. 2: 339), а также на значение глагола *мозгнуть* ‘гнить, плесневеть, портиться’⁷. Фамилия *Мозгляков* позволила До-

стоевскому емко и лаконично обозначить человека с «испорченным мозгом», вследствие чего – со слабым умом, о чем нередко упоминается в тексте повести: «в голове не все дома», «в затмении ума своего» (2: 299, 388).

Крестный Мозглякова носит фамилию *Бородуев*, что обусловлено его характеристикой, данной Москалевой и озвученной Мозгляковым: «Ведь вы же говорили, что он мужик, борода, в родне с кабаками, с подвальных да поверенныхми?» (2: 339). Как видим, наличие бороды – примета русского мужика, поэтому неслучайны слова Москалевой о Бородуеве: «Я и всегда, впрочем, любила в нем все это старинное русское, неподдельное...» (2: 339). Но оказывается, что борода не может выступать в качестве достоверного признака мужика с неподдельной русской душой: кучеру князя К. сбрили настоящую бороду, которая была размером «с немецкое государство», и наклеили искусственную, полученную из-за границы (2: 318). Отсутствие окладистой бороды – признак, на основе которого в повести определяется принадлежность к высшей аристократии: князь К. «носил парик, усы, бакенбарды и даже эспанольку – все, до последнего волоска, накладное и великолепного черного цвета» (2: 300).

У Москалевых проживает «в качестве дальней родственницы» Настасья Петровна Зяброва, сравнивающая себя с мадам Грибулье (2: 303). Замечательная номинация *Грибулье*, возможно, восходя к французскому существительному *gribouille* ‘замарашка’ (*gribouiller* ‘пачкать’), иллюстрирует неухоженность госпожи Зябовой:

«Да уж я и без вас знаю, что сегодня совсем замарашка <...> Совсем опустилась, давно не мечтаю. Вот и выехала такая мадам Грибулье... А что, в самом деле, я кухаркой кажусь?» (2: 317).

Марья Александровна Москаleva называет Зяблову «чумичка Настасья», также отмечая ее нечистоплотность: чумичка ‘замарашка, грязнушка, чумазка’ (Даль. 4: 614). Показательной в качестве определения социального положения, а также в качестве отношения к ней персонажей повести является и разговорная форма имени Зябловой – *Настасья*. Фамилия Зяброва восходит к адъективу *зяблый*, характеризующему замерзшего человека или животное (Даль. 4: 698). Вероятно, Достоевский связывал данный антропоним с глаголом *прозябать* ‘живь в бездействии – без духовной жизни’⁸, встречающимся в данном значении в художественных текстах писателя, например в «Неточке Незвановой»:

«Это я мог чувствовать, затем что и на последнюю былинку проливается свет божией денницы и пригревает и нежит ее так же, как и роскошный цветок, возле которого смиленно прозябает она» (2: 241).

С другой стороны, фамилия Зяброва перекликается в некотором смысле с фамилией *Мозгляков*: *зяблина* ‘гниль в дереве, снаружи от трещины’ (Даль. 1: 699).

Доктор Каллист Станиславович, фамилия которого не упоминается в тексте повести «Дядюшкин сон», является одним из созданных Достоевским образов малокомпетентных и странноватых врачей, подобных Крестьяну Ивановичу Рутеншпицу в повести «Двойник» и многочисленным врачам, впоследствии представленным в монологе Черта в романе «Братья Карамазовы».

Е. Ю. Сафонова указывает в качестве прототипа Каллиста Станиславовича уважаемого барнаульского доктора Ивана Антиповича Преображенского [11: 131]. Отсутствие фамилии у доктора Каллиста Станиславовича – важная деталь, свидетельствующая о том, что он уважаем и узнаваем в городе Мордасове по имени-отчеству. В несколько искусственном именовании *Каллист Станиславович* (*Каллист* ‘прекраснейший’, *Станиславович* от *Станислав* ‘становиться славным’⁹) заключена писательская ирония относительно квалификации мордасовского эскулапа, диагностировавшего у князя К. странную болезнь – «воспаление в желудке, как-то перешедшее (вероятно, по дороге) в голову» (2: 395). Подобным ироническим отношением впоследствии будут сопровождаться и другие образы врачей. Кроме того, как верно замечает Е. Ю. Сафонова, в отчестве можно усмотреть связь с биографией прототипа Каллиста Станиславовича: барнаульский доктор И. А. Преображенский был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени за полгода до припадка Достоевского [11: 135]. По наблюдению В. Бирон, «в произведениях Достоевского очень много лично им пережитого, автобиографического» [2: 7], поэтому И. А. Преображенский вполне мог послужить прототипом доктора в повести «Дядюшкин сон».

Фамилия князя, выступающего в повести в качестве жениха, «цензуррана» (термин Э. Кормана) до одной буквы *K*, по мнению Э. Кормана, по двум причинам: «во-первых, потому, что он не живет в Мордасове (он приезжий); а во-вторых, потому что он эксцентричен» [10]. За буквой *K* может скрываться не фамилия князя, а его характеристика – князь Кукла, в связи с тем, что образ князя К., составленный из искусственных элементов – из парика, накладных бакенбардов и усов, корсета, пружинок для разглаживания морщин, пробочкой ноги, стеклянного глаза и вставных зубов, – восходит к традициями бала-гана, с которыми писатель был знаком с детства, так как дед В. М. Котельницкий водил братьев Достоевских гулять в праздничные дни:

«...ежели мы редко бывали в театрах, то зато в бала-ганах московских (у так называемых Петрушек) бывали по праздникам и на масленицу с дедушкой Василием Ивановичем Котельницким»¹⁰.

Интересно, что в тексте повести упоминается театр, в котором даже князю К. предназначается роль:

«<...> мы и князя-то хотим завлечь в наш театр. <...> Может быть, даже и роль возьмет». – «Конечно,

возьмут ролю-с. Ведь их можно заставить всякую роль разыгрывать-с» (2: 370).

В повести князь К. играет роль молодящегося жениха, придуманную для него кукловодом Москалевой. По-видимому, наименование *князь Гаврила*, используемое Мозгляковым, аллюзивно соотносится с произведением В. Т. Нарежного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», известного Достоевскому и читателям его повести.

Комичный образ князя К. является объектом для разысканий протопипов, к числу которых относят драматурга и директора Московского театра Ф. Ф. Кокошкина [1: 33], мужа крестной Достоевского Д. Н. Козловского [3: 250], пушкинского графа Нулина [1: 34], булгаринского Фиролькина [9].

Любопытно – в виде переплетения зооморфных и орнитоморфных характеристик – обыгрывается в тексте повести именник прислуги князя К.:

«Вот у меня Те-рен-тий есть. <...> Глуп фе-но-менально! смотрит как баран на воду! Но какая са-но-вительность, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! <...> такой важный вид! – одним словом, настоящий немецкий философ Кант или, еще вернее, откормленный жирный индюк» (2: 313).

Кучер, какого князь К. оставил дома, носит имя, рифмующееся с именем Терентий, – Лаврентий, что также способствует созданию комического эффекта.

Из всего представленного в повести именника выделяются два антропонима, принадлежащие романтическим персонажам, – влюбленным Зине и Васе:

«Зинаида Афанасьевна, вообще говоря, была чрезвычайно романтического характера. Не знаем, от того ли, как уверяла сама Марья Александровна, что слишком начиталась “этого дурака” Шекспира с “своим учительницкой”» (2: 384).

А. Н. Плещееву, к которому Достоевский обратился с просьбой дать «откровенный отзыв»¹¹ на новую повесть, образ Зинаиды Москалевой представился искусственным: «Зиночка – лицо несимпатическое – и вообще есть что-то в ней сочиненное, ненатуральное»¹². По мнению советского литературоведа В. Я. Кирпотина, «на заднем плане “Дядюшкина сна” проходят образы, являющиеся как быrudimentами героев <...> Достоевского сороковых годов». Таков Вася, «мечтатель» со «слабым сердцем», любящий Зину и любимый ею [6: 512].

Имя Зинаида могло возникнуть в ономастической лаборатории писателя под влиянием образа Зинаиды Александровны Волконской, в салоне которой на Тверской собирался цвет российской культуры 1820-х годов: Пушкин, Мицкевич, Баратынский, Веневитинов. Из дома З. А. Волконской уезжала М. Н. Волконская (Раевская) в ссылку к мужу-декабристу. Интересно, что после переезда в Иркутск дом Марии Николаевны

и Сергея Григорьевича Волконских становится первым салоном, где собирается образованное общество. Как известно, Достоевскому жена декабриста Фонвизина при встрече перед отправкой в Омский острог подарила Евангелие. Достоевский в дальнейшем долгое время переписывался с Н. Д. Фонвизиной, что могло стать косвенным ономастическим импульсом при выборе имени для героини повести «Дядюшкин сон». Мать Зинаиды, подобно З. А. Волконской, является держательницей салона:

«Мы в доме Мары Александровны, на Большой улице, в той самой комнате, которую хозяйка, в торжественных случаях, называет своим салоном <...> В этом салоне порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои» (2: 341), «Все торжественные случаи и приемы происходили у Мары Александровны в этом самом салоне» (2: 341).

Т. Б. Трофимова усматривает близость образа Зинаиды Москалевой не только с образом писавшей записки танцмейстеру Зинаиды Вольской из произведения А. С. Пушкина «Гости съезжались на дачу...», но и с образами Татьяны Лариной и Марии из пушкинской «Полтавы» [14: 298].

Сближение имен *Василий* и *Зинаида* присутствует на уровне их этимологии: *Зинаида* от греч. Ζηναΐς ‘потомок Зевса’, *Василий* от греч.

Βασίλειος ‘царский, царственный – эпитет Зевса, Посейдона’¹³. По мнению Т. Б. Трофимовой, образ Василия соотносится с образом молодого В. Г. Белинского, биография которого была известна Достоевскому: «Василий – сын дьячка. Белинский – внук дьячка. Оба представители разночинной интеллигенции» [15: 94]. Повесть «Дядюшкин сон» могла стать ответом на пьесу В. Г. Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», где свадьба не состоялась по причине сна, увиденного дядюшкой [15: 96].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видим, антропонимикон повести Достоевского «Дядюшкин сон» представляет собой систему, в центре которой находится топоним Мордасов, организующий знаковое пространство провинциального хронотопа повести. Несмотря на то что повесть «Дядюшкин сон» является «пробой пера» писателя, олицетворением его возвращения в литературу после катарги, она демонстрирует весь потенциал ономастической лаборатории писателя, проявившийся впоследствии в его «великом пятикнижии»: стремление к биографичности, использование зооморфной и орнитоморфной символики, введение социально маркированных и экспрессивно окрашенных ономастических единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. В тексте в круглых скобках указываются том и через двоеточие страница.
- ² Даля В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1995. В тексте в круглых скобках указываются Даляр, том и через двоеточие страница.
- ³ Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1965. С. 261.
- ⁴ Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 35.
- ⁵ См. первую публикацию повести: Дядюшкин сонъ (из Мордасовских лѣтописей) Θ. М. Достоевского // Русское слово. Литературно-ученый журналъ, издаваемый графомъ Гр. Кушлебовымъ-Безбородко. Спб.: Тип. Рюмина и комп., 1859. № 3. С. 137, а также другие прижизненные издания: Дядюшкин сонъ (из Мордасовских лѣтописей) // Сочиненія Θ. М. Достоевскаго, т. 2. Изданіе Н. А. Основскаго. М.: Тип. Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, 1860. С. 123; Дядюшкин сонъ (из Мордасовских лѣтописей) Θ. М. Достоевскаго. Изданіе и собственность Θ. Степловскаго. СПб.: Тип. Ф. Степловскаго, 1866. С. 138.
- ⁶ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 419.
- ⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. СПб: Азбука: Терра, 1996. 638 с.
- ⁸ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 2. М.: Терра, 1997. С. 135.
- ⁹ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. С. 203, 302.
- ¹⁰ Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников... С. 65.
- ¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29811. Письмо А. Н. Плещеева к Ф. М. Достоевскому.
- ¹² Там же.
- ¹³ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен... С. 380, 142–143.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтман М. С. Двойники «дядюшки» // По вехам имен. Саратов, 1975. С. 32–34.
2. Бирон В. Петербург Достоевского. Л.: Товарищество «Свеча», 1991. 52 с.
3. Бочков В. И. «Князь К.» и его родня // «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. С. 249–261.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
5. Кibal'nik C. A. Гоголевские дискурсы в повести Достоевского «Дядюшкин сон» // Десятые Гоголевские чтения: Н. В. Гоголь и его творческое наследие. М., 2010. С. 251–258.
6. Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821–1859). М.: Гослитиздат, 1960. 607 с.
7. Клейман Р. Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев, 1985. 201 с.

8. Ковалёв Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Изд.-полигр. центр «Новая книга», 2014. С. 3–27.
9. Кофан М. Л. Об одной реминисценции в «Дядюшкином сне» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб.: Наука, 1992. С. 139–140.
10. Корман Э. Хронотическое сознание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.club.sunround.com/22/korman.htm> (дата обращения 15.12.2018).
11. Сафронова Е. Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 125–138.
12. Семыкина Р. С. Проза Ф. М. Достоевского конца 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели» (комическое: мир и характеры): Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. 17 с.
13. Скуридиня С. А. «Ты что за птица?»: о специфике некоторых фамилий «великого пятикинзия» Ф. М. Достоевского // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж, 2015. № 1. С. 149–162.
14. Трофимова Т. Б. Достоевский и Пушкин. Литературные параллели в повести «Дядюшкин сон» // Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 295–300.
15. Трофимова Т. Б. Полемический подтекст повести «Дядюшкин сон» // Русская литература. 2011. № 3. С. 92–97.

Поступила в редакцию 18.02.2019

Svetlana A. Skuridina, PhD in Philology, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russian Federation)

ANTHROPOONYMIC SYSTEM OF FYODOR DOSTOYEVSKY'S UNCLE'S DREAM

This article deals with the anthroponymic system of a little-studied short novel *Uncle's Dream* by Fyodor Dostoevsky. The author points out that the toponym *Mordasov* acts as an organizing element for the anthroponymicon of the story. Analysis of the material leads to the conclusion that Dostoevsky used semantically marked units, the disclosure of which is due not only to the context of the novel but also to the context of the epoch depicted by the writer. The anthroponyms systematically included in the provincial chronotope of the novel *Uncle's Dream* and correlated in the writer's creative laboratory with the images of the characters created by him become capacious and laconic characteristics, the understanding of which contributes to a deeper reading of this piece of imaginative writing. Dostoevsky's characters strive to become conscious of their own names, as evidenced by numerous examples of their reflections on the influence of a name on life and destiny. Some onomastic units of the story are autobiographical, for example, the toponym *Mordasov* and the anthroponym *Kallist Stanislavovich*. When naming his characters, Dostoevsky uses such methods as introducing into the text socially significant names (*Boroduev*) and expressively marked names (*Moskaleva, Mozglyakov*), as well as the language game (*Lavrenty-Terenty*).

Key words: literary onomastics, toponym, anthroponym, Voronezh onomastic school, Dostoevsky, autobiography, *Uncle's Dream*, Mordasov, Moskaleva

Cite this article as: Skuridina S. A. Anthroponymic system of Fyodor Dostoyevsky's *Uncle's Dream*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 76–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.355

REFERENCES

1. Altman M. S. Twins of “Uncle”. *Along the milestones of names*. Saratov, 1975. P. 32–34. (In Russ.)
2. Biron V. Dostoevsky's Petersburg. Leningrad, 1991. 52 p. (In Russ.)
3. Bochkov V. N. “Prince K.” and his relatives. *“But tell me, which one was Tatiana?”: Images and prototypes in Russian literature*. Moscow, 1990. P. 249–261. (In Russ.)
4. Gura A. V. Animal symbolism in the Slavic folk tradition. Moscow, 1997. 912 p. (In Russ.)
5. Kibalnik S. A. Gogol's discourses in Dostoevsky's short novel *Uncle's Dream*. *The Tenth Gogol Readings: N. V. Gogol and his creative heritage*. Moscow, 2010. P. 251–258. (In Russ.)
6. Kirpotin V. Ya. F. M. Dostoevsky. Creative path (1821–1859). Moscow, 1960. 607 p. (In Russ.)
7. Kleiman R. Ya. Common motifs of Dostoevsky's works from historical and cultural perspective. Chisinau, 1985. 201 p. (In Russ.)
8. Kovalyov G. F. Aspects of studying proper names in fiction books. *Selected works. Literary onomastics*. Voronezh, 2014. P. 3–27. (In Russ.)
9. Koisan M. L. One reminiscence in *Uncle's Dream*. *Dostoyevsky. Materials and research*. Vol. 10. St. Petersburg, 1992. P. 139–140. (In Russ.)
10. Kormann E. Chronotopical consciousness. Available at: <http://www.club.sunround.com/22/korman.htm> (accessed 15.12.2018). (In Russ.)
11. Safronova E. Yu. Archival researches on the Barnaul doctor of F. M. Dostoevsky. *Culture and Text*. 2017. No 3 (30). P. 125–138. (In Russ.)
12. Semyukina R. S. Dostoevsky's prose of the late 1850s: *Uncle's Dream*, *The Village of Stepanchikovo* (the comic: world and characters): Diss. Cand. Sci. Abstr. (Philology). Ekaterinburg, 1992. 17 p. (In Russ.)
13. Skuridina S. A. “What kind of bird are you?”: the specifics of some names of Dostoevsky's “Great Pentateuch”. *Scientific Newsletter Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Research*. 2015. No 1 (8). P. 119–130. (In Russ.)
14. Trofimova T. B. Dostoevsky and Pushkin. Literary parallels in the short novel *Uncle's Dream*. *Dostoevsky. Materials and research*. St. Petersburg, 2010. Vol. 19. P. 295–300. (In Russ.)
15. Trofimova T. B. The subtext of the short novel *Uncle's Dream*. *Russian Literature*. 2011. No 3. P. 92–97. (In Russ.)

Received: 18 February, 2019